

Глава первая

ПОД ЗНАКОМ АПОЛЛОНА

Mens sana in corpore sano *

рожден нареченный Сократом в Афинах, на четвертом году Семьдесят Седьмой Олимпиады **, в славном месяце Фаргеллон ***, освященном рождением божественных двойняшек, светозарного Аполлона и защитницы плебеев и рабов, целомудренной Арте-

* «В здоровом теле здоровый дух» — латинская поговорка.
(Здесь и далее примеч. авт.)

** 469 г. до н. э.

*** Май—июнь по современному календарю.

миды *. Явили же его на свет благонравные супруги, ваятель Софрониск и повитуха Фенарета.

Когда же спросил Софрониск оракула, как обращаться с новоявленным Сократом, то получил ответ: «Пусть мальчик поступает так, как хочет, не мешай ему и не удерживай его, а молись великому Зевсу и музам о благом исходе дела. Ни в каких заботах он не нуждается, ибо одарен с рождения внутренним голосом — даймоном (гением), предохраняющим от недобрых поступков, и этот даймоний не заменят тысячи наставников». И, следуя воле богов, не досаждал Софрониск сыну ни запретами, ни поучениями, но мальчик как привязанный крутился во дворе, между глыбами мрамора, и едва набрался сил держать в руках молоток, стал подражать отцу в искусстве ваяния.

Если же Софрониск отправлялся в город, увязывался с ним и маленький Сократ — побродить среди людей на пестром, шумном рынке, послушать перепалку риториков на агоре **, подивиться кораблям-триерам в гавани Пирей...

И вышел сын в отца — общительностью и добронравием, за что и сподобился преданной дружбы сверстников афинян, сына колбасника Эскина и отпрыска знатного рода Критона. Там-то, в доме Критонов, узрел Сократ великое множество закрытых золотыми крышками футляров с вложенными в них пергаментными свитками, испещренными переводами египетских, древнееврейских, вавилонских и персидских авторов, а равно сочинениями знаменитых эллинов: Гомера, Гесиода, Анакреонта, Пиндара и других; и, в удивлении бессмертием мудрого слова, возжаждал сын Софрониска учиться грамоте и первые навыки чтения приобрел у Критона. А погода определили всех троих в гимнасий, доступный лишь свободным афинянам.

---

* Аполлон — сын царя богов Зевса, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств. Артемида — дочь Зевса, богиня охоты. Аполлон и Артемида — мифические близнецы.

** Агора — городская площадь, центр общественной жизни.

Тело укрепляли мальчики в палестре*, а вкус и разум — на поприще муз, поэзии, искусства театральных зрелищ, музыки, ваяния, математики, а также и начал риторики и философии. И удивлялись сотоварищи Сократа, как он, не стремившись к первенству, если была нужда, упорством духа одерживал верх в палестре на состязаниях с сильнейшими, а в риторстве и философии равных ему не было среди учеников гимнасия. Дерзал он даже возражать учителям, и с одним из них, пифагорейцем, утверждавшим, как и сам Пифагор, будто образы цифр таят в себе предначертания богов: семерка — здоровье, восьмерка — любовь, десятка — счастье и прочее. Сократ сошелся в споре, показав путем простого рассуждения, что, если человеческое не божественно, что всем известно, то и установления человеческого разума, цифры, божественного смысла не имеют; и поставлен был в тупик пифагореец, хотя и выспорил потом победу, сказав, что счет дарован человеку сыном богов, титаном Прометеем...

Когда же достиг Сократ поры эфебов**, то призван был служить, как Эсхин и Критон, в пограничной крепости Мунихий около Пирея, чему предшествовал торжественный обряд присяги:

«Не посрамлю священного оружия, — с твердостью изрек Сократ слова обета, никогда им не нарушенного, — и не покину товарища в бою, но буду защищать и храмы и святыни — с другими вместе и один. Отечество оставлю большим и лучшим, чем сам его унаследовал. И буду предан власти, а законам, которые установил народ, послушен. Непризнания законов никем не допущу, но буду защищать их — с другими вместе и один. И чтить клянусь отцов святую веру. Да будут мне свидетели боги!»

---

* Палестра — открытая площадка для упражнений в борьбе.

** Эфебы — юноши в возрасте 18—20 лет, несшие пограничную военную службу.

Но не были законы равными для всех, и оттого сын знатного, Критон, отбывал повинность в коннице, Сократа же с Эсхином приписали к пехотинцам-гоплитам.

Тяжка была участь афинского воина, ибо республика Афины, в исконном окружении врагов своих, персов, египтян и варваров, то непрерывно воевала с ними, то готовилась к войне, укрепляя флот и войско; нерадение в военном деле пресекалось, и бывало, что стратегов, проигравших битву, осуждали на смерть; и хотя война — с персами — кончалась в пользу афинян, вождь демократов и стратег Перикл держал узду военной подготовки так же крепко, как делал это прежде Фемистокл*.

Больше же других муштровали гоплитов, составлявших ядро афинского войска. И облаченные в шлем с высоким петушиным гребнем, медный панцирь и медные поножи, с деревянным щитом, обитым кожей, учились гоплиты в схватках друг с другом драться мечом и кинжалом, метать точнее и дальше дротики и с помощью щита отражать молниеносные удары противника. И, уж тут Сократ во всем был первым: в гимнастике, в беге, метании дротика в цель и в поединках гоплита с гоплитом.

И, желая закалить у новобранцев дух и тело, гоняли их военачальники по Аттике** многодневными маршами в стужу и в зной, без еды и без сна, и некоторые падали от изнурения. Сократ же стойко сносил все тяготы походов, и когда однажды Эсхин вывернул ногу на горной круче, так что от боли терял сознание, Сократ взвалил его на себя и тащил до самого лагеря.

Сносить же лишения помогала ему привычка не думать о них: упорно погрузивши мысль в себя, он шел, в забвении усталости, как бы во сне, занятый одолевавшими его загадками жизни: что есть космос, зачем рас-

---

* Фемистокл — афинский полководец, вождь демократической группировки (ок. 525—460 гг. до н. э.).

** Аттика — область в Греции, центром которой были Афины.

сеяны по небу мириады зеркально сверкающих звезд, что они такое, звезды, что такое земля, природа, откуда появилась мысль, и почему олимпийцы-боги, породившие людей, как говорят, по образу и подобию своему, преспокойно позволяют людям истреблять свое подобие в мучительных, смертельных войнах?

Больше же всего занимали Сократа мысли о солнце, неустанно льющем животворное тепло и свет на землю: что оно такое? И, вспомнив утверждение философа Анаксагора, что солнце — раскаленный камень величиной с Пелопоннес *, недоумевал Сократ: ведь глыба камня, как бы ни была она раскалена, стоит только вытащить ее из горна, тут же теряет тепло и становится скоро холодной; почему же солнце, находясь, как утверждают, миллионы лет в холодном космосе, не охладевает, даже не тускнеет? Все имеет начало и конец, а солнечный жар, выходит, бесконечен? И, не найдя разгадки солнца, сокрушался юноша Сократ: «Как же скуден мой ум! Как мало я знаю!» — и хотелось скорее домой, засесть за свитки из библиотеки Критона: не в них ли кроется ответ?

Но, не зная, что есть солнце, полюбил его Сократ и стал встречать восход воздетой вверх рукой и словом:

«Тебя, кто щедро дарит животворящий свет земле и людям, приветствую и славлю!»

И гоплиты потешались над его причудой, пока им это не приелось, ибо Сократ не обращал ни на кого внимания и каждый восход встречал приветствием. Когда же и Эсхин, молящийся богам, выразил удивление, что Сократ не олимпийцам поклоняется, а бездушному светилу, он ответил:

— Я потому славлю солнце, что, хотя и не знаю, что оно такое, есть ли у него душа или оно бездушно, но постоянно его ощущаю и вижу его благие деяния. Богов же я совсем не ощущаю и деяний их не вижу, кроме тех,

---

* Пелопоннес — южный полуостров Греции.

которые творят природа или смертные, а приписывают богам.

— Сократ, как ты можешь утверждать о незнании тобой божественных деяний! — вспыхнул Эсхин. — Все ведь только и говорят о них, и народ в своих домах, и жрецы в храмах. Да и поэты о том же пишут. Или ты не доверяешь и свидетельству Гомера?

И сказал Сократ с усмешкой:

— Да в том-то и дело, дорогой Эсхин, что говорят о бессмертных те же люди. К тому же я сильно сомневаюсь, чтобы те, кто восхваляет олимпийцев и славит их деяния — хоть те же жрецы или даже Гомер, ощущали их сами или видели хоть разочек...

Ужаснулся речи Сократа Эсхин и из любви к нему умолял для его же блага не высказывать хотя бы на людях подобного святотатства.

— А не кажется ли тебе, дружище, — спросил его Сократ, — что пришла нам пора, если только мы хотим истинного знания, положиться на собственный ум, а на веру слов не принимать?

Но Эсхин не понял сомнений друга своего, Критон же находился в Мунихии, ибо гоплитов-афинян перевели в то время на границу с враждебной Беотией* в крепость Филы...

Доспехи же воинов сняли Сократ и Эсхин, чтоб надеть на себя хитоны** в достопамятный канун сражения у города Саламина, что на Кипре, где персидские войска были уничтожены афинскими и тем положен конец греко-персидским войнам.

С радостной душой ступили юноши на землю родины, ибо здоровы и сильны были их натренированные, опаленные солнцем тела. Гармоничностью сложения они могли сравниться с «Дискоболом» знаменитого ваятеля Мирона, и ждала их скорая встреча с родными, с Критоном, а может, и с любимыми...

* Беотия — соседняя с Аттикой область.

** Хитон — длинная подпоясанная рубаха без рукавов.

Но не радостью встретил отчий дом Сократа в доме Алопеки *, а трауром: в одночасье взял Аид ** обоих, Софрониска и Фенарету, и тела их были похоронены. Тогда пришли к горюющему другу Эсхин и возмужавший и серьезный Критон, и Критон в утешение товарища подарил ему свиток сочинений философов, учивших хладнокровно сносить любые удары судьбы; Эсхин же утешил Сократа строфой поэта:

Слишком в беде не горюй,
И не радуйся слишком при счастье:
То и другое умей
Доблестно в сердце носить ***.

И, оправившись от горя, взял Сократ тоскующей по созиданию рукой отцовский молоток ваятеля и принялся за обработку камней, высекая из мрамора на продажу трех юных и прекрасных спутниц Афродиты ****, богинь дружбы и радости Харит. Но общительность души Сократа влекла его к людям, и, оставив молоток, он уходил на агору, на рынок, послушать новости и повидать друзей.

Новостями же в ту пору славились Афины, особенно теми, которые касались имени красавицы Аспасии и главного из десяти афинских стратегов, Перикла, выходца из древнего аристократического рода Алкмеонидов. Говорили, что род этот проклят богами за осквернение храма убийством скрывшихся в нем мятежников. Но Перикла нарекли «достоинейшим из эллинов» за благие дела защитника прав народа, укрепление Морского союза ***** и

---

* А л о п е к а — район Афин, где родился и жил Сократ.

** А и д — бог царства мертвых.

*** Элегия Феогнида из «Мегары» (вторая половина VI века до н. э.).

**** А ф р о д и т а — богиня любви и красоты, дочь царя богов Зевса.

***** «Делосский» (Морской) союз древнегреческих приморских городов и островов Эгейского моря в 478—404 гг. до н. э. во главе с Афинами.

победу над персами, а еще Громовержцем за исключительный риторский дар: будто молниями, разил он речами своих противников в совете, аристократов, и речами же утихомиривал бушующие страсти народа, склоняя большинство на свою сторону.

Но увидевши впервые Перикла шествующим на агору, подивился Сократ невзрачности именитого человека, его дынеобразной голове, его обыкновенной поступи простолюдина — ни величия в ней, ни надменности; к тому же он шагал, чуть отвернув голову в сторону, как ходят одноглазые; с виду был он прост и серьезен и на каждое приветствие встречных вежливо вскидывал вверх правую руку.

Услышав же речи Перикла заново подивился Сократ: смуглое, малоподвижное лицо вождя демократии вдруг ожило, облагородилось, как озаренное светом ума, огненный взгляд, устремившись в толпу, заморозил ее, как взгляд заклинателя, весь он будто вырос и издали напоминал фигуру Громовержца, облаченного в хитон; суть же речей его Сократ одобрял: убедить народное собрание в необходимости расходовать казну не столько на желудки, сколько на цели военного и культурного возвышения города. И, восхитившись умом и красноречием Перикла, подумал тут Сократ: «Так вот почему Аспасия предпочла красавцам, домогавшимся ее любви, немолодого, некрасивого стратега...»

Не видел он еще Аспасии, но толки о ней возбуждали его любознательность. Рассказывали, что эта чужеземка из Милета *, дочь купца Аксиоха, не только хороша собой, но образована не хуже юношей, окончивших гимнасий, и что она, обладая врожденным даром красноречия, обучала милетян риторике. В Афины же она приехала к родным да так здесь и осталась, не из любви к самому городу, такому же пыльному и знойному, как ее родной

---

* Милет — крупнейший город Ионии, центральной части малоазиатского побережья Эгейского моря.

Милет, и занятому, как и везде, заботами о хлебе насущном, а покоренная мыслью Перикла превратить Афины в просвещенный центр Эллады. Как говорили, давала она бесплатные уроки красноречия в домах своих сородичей, произнося речи на заданную тему, и состязалась в диалектике * с друзьями. И оттого, что в этих домах общалась она без всякого стеснения с мужчинами, прозвали ее строгие в правах афиняне гетерой **. Когда же в дом, где проживала чужеземка, стал заглядывать чаще и чаще Перикл, сплетники не преминули объявить Аспасию его наложницей...

И, желая познакомиться с Аспасией, просил Сократ содействия в том философа Анаксагора, ибо сам не был вход ни к состоятельным ее родным, ни к друзьям ее родных.

К ученикам же Анаксагора Сократ пристал вскоре как вернулся из Филы, чтобы лучше, в живой беседе, познать его учение, а также из почтения к его великодушию и простоте. Родом был Анаксагор из Клазомен, что в Малой Азии, и философии учился у Анаксимена, того самого, кто говорил, что первоначало всего сущего воздух и беспредельность и что светила-звезды движутся не над землей, а вокруг нее, утверждая тем самым шарообразие земли и беспредельность материи. И, будучи по рождению знатным и богатым, раздал Анаксагор свое наследство родственникам, а на их упреки, что он не заботится о своем добре, ответил: «Так почему бы вам о нем не позаботиться?» И, оставшись ни с чем, занялся умозрением природы, так углубившись в это занятие, что когда его спросили, зачем он явился на свет, Анаксагор сказал: «Для наблюдения солнца, луны и звездного неба».

---

* Диалектика — так называлось у древних искусство вести беседу, спор, с целью познания явлений действительности в их развитии и самодвижении.

** Гетера — «подруга», незамужняя женщина, ведущая свободный образ жизни.

Учение свое он излагал как в письменном виде, так и устно, в гимнасии Академа. Много лет живя в Афинах, как говорили, на приношения друзей, он был готов на философский спор с любым, кто пожелает, хоть на улице, на рынке или даже в лесхе *. И доказывая, что «все-му в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум», настолько он его возвысил, что даже оспаривал — в кругу учеников — существование богов на том основании, что во льдах Олимпа они бы замерзли, на раскаленной глыбе солнца сгорели, а в морской пучине, так же как и под землей, задохнулись бы без воздуха. И Сократу, который и сам высказывал сомнения в божественных деяниях, да только говорил об этом на ухо друзьям, жутко становилось от таких речей Анаксагора, ибо знал: карают Афины безбожников смертной казнью.

Как прославленный философ и учитель Перикла, был Анаксагор желанным гостем у Аспасии, и привести с собой Сократа ему не составляло никаких хлопот.

И вот перед закатом летнего солнца отправились они к Аспасии, держа в руке свои подушки ** и двигаясь в тени оливковых деревьев и запыленных пиний, седобородый, величественный даже в стареньком холщовом хитоне Анаксагор и в таком же одеянии, в сандалиях молодой, атлетически сложенный Сократ; голова его с выдающейся на высоком лбу выпуклостью-пишккой была обрамлена от подбородка до самого темени густой, курчавой порослью волос, и над верхней губой свисали мягкие, чуть вьющиеся усы.

В портике дома, украшенного дорическими колоннами, увитыми виноградными лозами, встретил их нубиец-раб и, кланяясь, провел во внутренние покои, затененные от солнца занавесками. И при виде молодых мужчин в ла-

---

* Лесха — постоянный двор.

** По обычаю древних греков, приглашенные в гости возлежали на собственных подушках.

зурных хитонах и женщин в шафрановых пеплосах*, полукругом возлежащих на богатом ковре и расшитых шелком подушках, оробел сперва Сократ, но, обнадеженный спокойствием Анаксагора, сел возле него, за спинами гостей, сунув под себя подушку. В центре же полукруга возлежал какой-то молодой поэт-декламатор, читая звучным и немножко грустным голосом Анакреонта**.

Принеси мне чашу, отрок, — осушу ее я разом!
Ты воды ковшей с десятков в чашу влей, пять —

хмельной браги,

И тогда, объятый Вакхом***, Вакха я прославлю чинно.
Ведь пирушку мы наладим не по-скифски: не допустим
Мы ни гомона, ни криков, но под звуки дивной песни
Отпивать из чаши будем...

И не заметил Сократ, как в музыку стихов и в тонкий аромат благовоний, плывущих из медных курильниц, вступило матово-томное пение невидимой флейты-авлоса****, смягчая сердце умиротворением. И подумав: «Вот оно, божественное, порожденное людьми!», увидел тут Сократ Аспасию и сразу же узнал ее со слов людей: сидела она в сторонке, у самой стены, в низеньком плетеном кресле, и в невесомой ткани пеплоса, как сквозь струи воды, просвечивали очертания ее изящного тела, совершенством пластики напомнив Сократу одну из спутниц Афродиты, хариту Талию, «цветущую»...

И, подивившись красоте Аспасии, подивился он и скромности ее, ибо не было на ней ни драгоценностей, ни украшений, лишь веточка лавра была искусно влетена в густые русые локоны; короной поднимались они

---

* Пеплос — женская рубаха, подобная хитону, но открытая сбоку.

** Анакреонт — поэт-лирик (570—478 гг. до н. э.). в переводе Г. Церетели.

*** Вакх — бог вина и веселья, он же Дионис.

**** Дудка в двумя створами при одном мундштуке, считалась инструментом вульгарным, так как надутые щеки уродовали лицо.

вверх и ниспадали на виски и уши; естественный румянец, как отсвет костра, окрашивал лилейные щеки, и только длинные ресницы, затенявшие блестящие миндалевидные глаза, казались черными.

И восхитило его выражение лица ее: она внимала музыке, как очарованная девочка, с летучей улыбкой; улыбка расходилась от уголков губ к щекам, как водные круги от капель дождя, и тогда на подбородке появлялась ямка...

Когда же, следом за гостями наградив рукоплесканиями поэта, заговорила Аспасия, сказав:

— Не самое ли время, любезные друзья, перейти теперь к искусству диалектики, раз уж нас почтил присутствием Анаксагор... — при первых звуках голоса ее, мелодичного, как свирель, вдруг сладостно кольнуло сердце у Сократа и, сказав себе: «Вот и наказан ты, Сократ, за непризнание божественных деяний: ведь это бог Эрос * пронзил тебя стрелой», не мог больше глаз оторвать от Аспасии.

— ...Его-то мы и попросим судить состязание, — продолжала Аспасия, улыбнувшись философу.

И сказал Анаксагор:

— С радостью, дорогая Аспасия, — и подкрепил слова улыбкой, простодушно-ласковой, как у ребенка.

Тогда, пересев проворно на место декламатора, вызвался на состязание с Аспасией молодой рыжеволосый афинянин, в ком признал Сократ знакомца по гимнасию, человека более хитрого, нежели умного, к тому же кичившегося своим происхождением, ведущим начало от знатного рода Антемионов, — некоего Анита. Но прежде по знаку Аспасии внесла служанка амфору и кратер ** и, размешав уполовником вино с водой, наполненные кубки разнесла гостям. И вкусивши из серебряного кубка, начала хозяйка:

---

* Эрос — бог любви.

** Амфора — глиняный сосуд для вина. Кратер — сосуд с широким устьем для разбавления вина.

— Не будешь ли ты против, любезный Анит, рассмотреть какой-нибудь из парадоксов Зенона*.

— Я готов, — отозвался Анит.

— Скажи мне, Анит, производит ли шум падение пшеничного зернышка или тысячная доля его?

— Нет, Аспасия, не производит, — тут же ответил Анит.

— А медимн** пшеница, производит ли он при падении шум?

— Как же иначе! — смеясь воскликнул Анит.

— Что же, выходит, существуют количественные отношения между медимном пшеница и пшеничным зернышком, или не существуют?

— Конечно, существуют!

— Не будут ли в таком случае и у шумов те же самые взаимные отношения, какие имеют предметы, производящие шум?

— Те же самые отношения, Аспасия, будут и у шумов, — согласился Анит, пригубив вина.

И тонко улыбнувшись, спросила Аспасия:

— Но если это так, если медимн пшеница производит шум, то, выходит, производит шум и одно зерно и даже тысячная доля его... А ведь ты, Анит, утверждал, что пшеничное зерно не производит шума...

И Анит, маскируя внезапную краску стыда на лице, покаянно прижал ладонь к груди, сказав с поклоном:

— Признаю свое поражение, милая Аспасия. И готов их потерпеть от тебя сколько угодно!.. Испытай меня еще разок!

И, подняв точеную руку, в то время как другой сжимала кубок, погрозила Аспасия спорщику пальчиком:

— Ты рано сдался, Анит... Ведь падение тысячной доли зернышка, случись ей упасть даже на звонкую стру-

---

* Зенон из Элеи (ок. 490—430 гг. до н. э.) — основатель диалектики как способа ведения спора, знаменит своими «апориями», парадоксами.

** Аттический медимн — 52,5 литра.

ну кифары *, и в самом деле никому не слышно! Разве не так?

— Думаю, что никому не слышно, — пробормотал сконфуженный Анит.

— Но ведь мы только что доказали, что даже тысячная доля зернышка производит при падении шум! Где же истина, Анит?

— В самом деле, это — неразрешимый парадокс! — ободрился было Анит.

Но Аспасия сказала:

— В том-то и дело, Анит, что разрешимый! Истина в том, что падение зернышка в одно и то же время производит шум и — для нашего уха — не производит его! Не так ли?..

— Ты еще раз одержала победу, несравненная Аспасия! — признался Анит и под легкий смех гостей скрылся за чужие спины.

И тогда Аспасия сказала, улыбнувшись:

— А вот судить, кто выиграл состязание, мы попросим тебя, Анаксагор!

И, повернувши головы к философу, слышали гости его приговор:

— Позвольте мне ответить вам, милейшие, словами моего учителя, великого Парменида **:

Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.
Разумом ты разреши труднейшую эту задачу,
Данную мною тебе...

Порыв рукоплесканий ответом был на стихотворный приговор, после чего Аспасия сказала:

— Анаксагор прав: как всегда, побеждает Разум... Вот почему было бы поучительно, мне кажется, послу-

---

* Кифара — семиструнная лира, на которой играли копытным бряцалом.

** Парменид из Элеи (IV в. до н. э.) — философ, основатель элейской школы.

шать рассуждения о Разуме, если у тебя, Анаксагор, имеется на то желание и если среди нас найдется, кто осмелился бы возражать тебе. Сама я заранее отступаю от спора с тобой.

И сказал тогда Анаксагор:

— Что ж, я готов вызвать любого, желающего опровергнуть мое утверждение, всем вам известное, что Ум — причина всего сущего...

И так велики были чары Аспасии, пленившие сердце Сократа, что для себя самого неожиданно дерзнул он высказать опровержение, давно им продуманное, Уму Анаксагора и негромко сказал:

— Учитель, я хотел бы возразить тебе, если ты, конечно, позволишь...

Анаксагор же, в удивлении учеником, одним из самых молчаливых до сих пор, кивнул ему; и, повинувшись жесту Аспасии, переместились оба со своими подушками на дальний край ковра, лицом к гостям, влоборота к хозяйке.

И тут в сопровождении раба-нубийца явился в покои Перикл, облаченный в светлый хитон.

И, увидев, как вошел он, бесшумно, но уверенно, и поприветствовал собрание гостей вскинутой рукой, как тут же, без промедления, уселся чуть левее хозяйки, почти к ногам ее, на скамеечку, подставленную нубийцем, понял Сократ, что свой человек здесь Перикл; мгновенный же, как молния, перегляд между вошедшим и Аспасией, радостно расширившей глаза, сказал и другое: люди не лгут, и сердце Аспасии занял Перикл...

И снова кольнуло сердце Сократа, на сей раз горечью ревности, и сбилось возбуждение ума, настроенного к схватке с Анаксагором, но случай помог ему: пока слуга по знаку госпожи зажигал задымившие маслом светильники на стенах, приказал себе Сократ не думать ни о чем другом, кроме как о предстоящем споре; когда же с уходом слуги овладел собой Сократ, то начал так, глядя в мудрые глаза философа:

— Говоря, что Ум дает всему порядок и причину, что ты под этим понимаешь, учитель?

И сказал Анаксагор:

— Я понимаю под этим мировой порядок, Сократ.

— Значит ли это, что, наблюдая что-либо на земле или в небе, мы можем объяснить его причину Умом?

— Именно так!

— Наблюдая, к примеру, падение камней на землю, тех самых, которые прочерчивают в небе огненный след и которые, как ты полагаешь, прилетают к нам с Солнца, можем ли мы сказать, учитель, что причиной их падения является Ум?

И добродушно усмехнувшись, Анаксагор сказал:

— Ни в коем случае, Сократ! Причина падения солнечных камней в движении эфира!

Сократ же спросил:

— А в чем причина, что Луна светит не собственным, а отраженным светом Солнца?

— Тем, Сократ, что Луна — холодный камень, а холодные тела светить не могут.

— А извержения вулканов, землетрясения, чем их можно объяснить?

— Движением подземных газов, Сократ.

— А лунные затмения, отчего они происходят?

Анаксагор же удивился и сказал:

— Зачем, Сократ, ты спрашиваешь о том, что известно из моих сочинений? Я же там показал: в падении на Луну тени Земли причина лунных затмений.

— Я спрашиваю, учитель, чтобы лучше уяснить суть нашего спора. И еще спрошу: не скажешь ли ты, что дает начало всему тому, о чем мы говорили: движению эфира, перемещению небесных тел, образованию подземных газов и прочему подобному? Может быть, причиной этих причин и является Ум?

И сказал Анаксагор:

— Причину всего этого, Сократ, надлежит искать в природе эфира, небесных тел, воды и газов.

— Выходит, Ум не имеет к этому никакого отношения? — допытывался Сократ.

— Ни малейшего! Ум дает начало и порядок в мире семнам вещей, так или иначе сцепляя их между собой...

И тогда Сократ спросил:

— Как же можно, дорогой Анаксагор, утверждать, что Ум всему в мире, как ты сказал, дает начало и порядок, если он объясняет лишь причину вещей, а объяснить причину явлений отказывается?

И, застигнутый врасплох опровержением, задумался Анаксагор, поглаживая бороду. Сократ же продолжал в тиши внимания гостей:

— Так не разумнее ли будет признать, учитель, что Ум не может быть началом всего сущего, раз имеется еще и другая причина мирового порядка, нам пока неизвестная?

И, склонивши голову перед Сократом, Анаксагор сказал:

— Я это признаю, Сократ. И признаю другое: ум ученика превзошел сегодня ум учителя...

И, как признание великодушия учителя и первенства ученика его, послышались рукоплескания гостей, в то время как Аспасия, поднявшись с кресла, подошла к Сократу. И вынув из своей прически веточку лавра, вплела ее в густые кудри победителя с улыбкой и словами:

— Сократову уму, одержавшему верх над умом Анаксагора!

Сократ же, розовый от смущения, поднявшись вслед за всеми с ковра, ответил:

— Не ум мой одержал сегодня верх, Аспасия, а мои неразрешимые сомнения...

— Так приходи их разрешать сюда, на состязания в риторике и диалектике! — сказала Аспасия.

Сократ же, поклонившись благодарно, ушел и, уходя, услышал, как Перикл сказал Анаксагору:

— Боги, несомненно, наделили твоего ученика незаурядной даровитостью...

И шел Сократ по улице и размышлял над силой, более властной, чем разум, — красотой прекрасной женщины.

...С тех-то пор и зачастил Сократ в кружок Аспасии, не столько занимаясь диалектикой, сколько наслаждаясь лицезрением хозяйки. К тому же дискуссии спорщиков о камнях, воде, земле, эфире быстро приелись Сократу, ибо мысль его влекло все больше к живому средоточию природы, человеку. Но человек не занимал друзей Аспасии: истину они искали в неживой природе, и, не зная, что она такое, тщились объяснить ее, и каждый убеждал другого, что его объяснения истинны.

И понял Сократ: из мира вещей и рассуждений о них воздвигли эти диалектики башню и отгородились ею от людей и жизни, как узники, добровольно заточившие себя в темницу. Одна лишь красота Аспасии влекла Сократа в ее дом, и эта красота постепенно одолевала его ум и сердце.

И горько было замечать ревнивому взгляду Сократа, как при виде стратега вспыхивала Аспасия, как счастьем озарялись ее глаза, как сдержанный Перикл чуть уловимым выражением умиротворенной гордости влюбленного на сухом удлинённом лице, даже не глядя на Аспасию, а только сидя рядом, посылает ей незримую признательность...

Тогда, желая одолеть безумие ревности, сказал себе Сократ: «Не мучайся, не ходи сюда!» И прекратил хождение к Аспасии. И, дабы позабыть ее, бросился как иступленный ваять своих харит, но в мраморной гармонии прекрасных спутниц Афродиты чудилась ему Аспасия... Когда же после столь же иступленных упражнений в палестре и купания в Илиссе* шел по улице, ноги несли его к дому Аспасии, и только силой духа он заворачивал себя назад. И от горячки сердца кидался в

---

* Илисс — река, протекавшая под стенами древних Афин.

голову Сократа жар, а сильное тело трясло и ломало ознобом, и мутилось сознание...

Когда же верный Критон поднял больного на ноги настоем хинного дерева, пришел не менее верный Эсхин с сочным кругом кровяной колбасы и, заставив друга пожевать, сказал лукаво:

— А почему бы тебе, Сократ, не жениться? Все ведь знают, что от женского сердца одно спасение — другое женское сердце... К тому же есть у меня на примете одна прелестница, дочь Аристиды Справедливого, военачальника, кто среди прочих, как ты знаешь, одержал победу в Марафонском и Саламинском сражениях*. А звать эту прелестницу Мирто. После смерти Аристиды она, можно сказать, осталась сиротой, и за душой у нее ничегошеньки нет, если не считать за приданое добрый нрав и пригожесть...

И Эсхин, который сам уже успел жениться, пустился в похвалы семейной жизни...

Сократ же, дав уговорить себя Эсхину, побрел за ним на рынок, где Мирто торговала молоком своей козы, единственной живности, которая осталась ей в наследство от родителей. И, шутливо побеседовав с Мирто, уверился Сократ, что она и вправду добродетельна, скромна и хороша собой. К тому же обличьем напоминала она Аспасию, только другой, крестьянской породы; и были у нее смолисто-черные волосы, стекавшие по спине и стянутые у затылка синей ленточкой, и черные озорные глаза.

И решил Сократ на ней жениться, ибо хотел быстрее забыть Аспасию, да и время подошло ему, как истинному гражданину, обзавестись семьей. Тогда пришел он в домик к престарелой тетушке, пригравшей сироту, и по-сватался.

Так и случилось, что в одну из теплых летних ночей подружки Мирто и друзья Сократа, держа в руках пы-

---

* М а р а ф о н — место победы афинян над персами в 490 г. до н. э., С а л а м и н — остров, место решающей победы греческого флота над персидским в 480 г. до н. э.

лающие факелы, проводили молодых к Сократу в дом; и приданое Мирто, ее коза, помещена была в сарай, где жевал свою жвачку осел, подаренный Сократу накануне свадьбы щедрым Критоном.

И преодолев, как думалось Сократу, любовь свою к Аспасии, вернулся он к ваянию, которым зарабатывал на хлеб, и к размышлениям об истине обыкновенной, будней жизни, ибо видел: хоть и сам народ, с помощью Перикла правит государством, неравенство в Афинах не исчезло, одни щеголяли в дорогих тарентийских одеждах, живя среди прислужников-рабов, в богатых каменных домах, другие же хлеб насущный добывали трудом собственных рук, и добродетелей в Афинах не прибавилось, и несправедности меньше не стало: куда ни глянешь, гнездились всюду эгоизм, обман, мздоимство, властолюбие, черная зависть и распущенные нравы... И мнилось Сократу, что вызволить Афины из беды должна не божеская истина, а истина житейская, еще неведомая людям, но которая научит их разумно жить и праведно вести дела.

И не зная, что это за истина и где ее искать, поспешил Сократ к софистам *, устремившимся на зов Перикла со всей Эллады, дабы просвещать умы афинян. И были среди них кеосец Продик, Эвен с Пароса, Гиппий из Элиды, сицилиец Горгий Леонтийский и самый именитый — Протагор из Абдер, кто начал дровоносцем (и придумал, говорили, наспинную подкладку для носильщиков) и слыл теперь философом по прозвищу Мудрость. И хотя не нравилось Сократу, что берут приезжие мзду за ученье, и немалую — тому же Продику платили афиняне за полное обучение 50 драхм **, — не отходил он от софистов, слушая их споры в гимнасии, на агоре, на улицах, с молодыми афинянами, а также и между собой. И поначалу до того был покорен Сократ их красноре-

---

* Софисты — профессиональные учителя философии и риторики, выступавшие с критикой традиционной морали.

** Драхма — серебряная монета весом 4,366 г.

чием и живостью ума, что даже взял урок — за драхму — эристики * у громогласного кеосца Продика.

С неустрашимостью ума кинулись софисты сокрушать живую истинность мифов, поверий, прав, законов и лицемерие домашней жизни афинян. Все привычное перевернул их гибкий, дерзновенный разум и на место свергнутых мыслью богов водрузил человека. И, оборотив свет мысли с неживой природы на живую жизнь людей, доказывали, что, подобно тому, как потребности тела родили земледелие, торговлю, скотоводство и ремесленные города, а непомерность телесных желаний — войны, рабство и насилие, так и стремление духа человеческого порождает новую, высшую жизнь — искусство и культуру.

И дерзали они утверждать, о чем втихомолку догадывались сами афиняне, что гражданское право не есть установление богов, а всего лишь соглашение между людьми. Другой же из софистов, Алкидам, бесстрашно осудив в Элладе рабство, доказывал, что люди все равны перед богами и только случай делает одних свободными, а других рабами, и потому-то рабство нужно уничтожить...

Когда же, насытившись зрелищем красноречивых состязаний софистов, глубже заглянул Сократ в их кладезь мудрости, то увидал на дне его темную воду незнания. Игрою слов подменяли софисты поиск истины, темное выдавали за светлое, а светлое за темное, небывшее — за бывшее, ради смеха говоря зевакам: «То, чего ты не терял, ты имеешь; ты не терял рогов, значит, ты рогат!», а другим — что «самая распрекрасная жизнь безобразна, потому что кончается смертью». Жизнь свою они растрачивали в суетливых спорах о словах, и нередко споры мудрецов кончались немудрящей потасовкой.

И стал Сократ ниспровергать своих кумиров, бросив им как обвинение народную поговорку: «Хвалить и хулить одну и ту же вещь нечестно!» А Протагора из Аб-

---

* Э р и с т и к а — искусство спора.

дер, утверждавшего: «Человек есть мера всем вещам — существованию существующего и несуществованию несуществующего», спросил: «Какой человек? Ведь люди разнятся между собой, как звезды от песчинок!» И, не найдя ответа в разуме своем, твердил мудрейший из софистов: «Просто человек...» И тогда, опровергая главное из утверждений Протагора, будто «все на свете истинно», сказал Сократ: «Ну да, ложь ведь тоже истинна, если ее истинно высказывает лживый человек; но ведь от этого ложь не становится истиной!» И папоследок потешил софистов шуткой на их же манер: «Все, что хранит, не теряя, богатство твоего ума, Протагор, он имеет; не терял же он лживости; значит, ум твой богат ложью!»

И сказав себе: «Не истину ищут они, приезжие учителя софистики, а забавляются, как пьяные, разгулом разума!», покинул молодой Сократ софистов и замыслил странствие в другие государства, где, по слухам, жили мудрецы, владевшие познанием необходимой истины...

Покидал же он Афины и ласковую, домовитую Мирто, ходившую тяжелой первенцем Сократа, нетерпеливо, ибо хотел еще найти забвение своей любви к Аспасии, в дом которой его все время звало сердце. И быть попутчиком Сократа вызвался Эсхин. Тогда-то, занятый торговыми делами, Критон и посадил друзей в Пирее на парусник отца, отплывавший в Милет, не забыв им сунуть на дорогу тяжелый кошелек...